

В книге О.В. Большаковой в органическом единстве освещается историография обширного тематического комплекса и проводится историко-научное исследование, далеко выходящее за рамки проблемного поля, обозначенного в ее названии. Хотя изучение американского россиеведения сравнительно молодое направление историографических штудий, историки из России проявляют к нему интерес не меньший, чем их заокеанские коллеги, сравнительно недавно на системной основе обратившиеся и к исследованиям, и к воспоминаниям о жизни в науке. Рецензируемая монография немало способствует закреплению российского научного приоритета в данной области. Помогает она и преодолению обеих крайностей в восприятии американского россиеведения – сугубого скепсиса, родом из советских времен, и подражательного поклонения, характерного для конца прошлого столетия.

Историко-научный подход позволил Большаковой выделить в массе англоязычной литературы продукцию историков США: американское россиеведение, по ее справедливому мнению, обладает своей логикой развития и собственным лицом. При этом хотя американский взгляд на Россию отличен от западноевропейского, он подвержен воздействию последнего (можно, разумеется, говорить и об обратном влиянии), что дает Большаковой основание для включения в реконструкцию неамериканского материала. Судьба американского россиеведения освещается в книге с первых профессиональных шагов в данной области, связанных с включением российской проблематики в учебные планы университетов на рубеже XIX–XX вв. Однако более подробно рассматривается послевоенный период. При всем своем тяготении к истории науки автор особенно внимателен к современному состоянию разработки прошлого России, не дожидаясь, как многие историографы, появления спасительной «дистанции».

В проблемно-тематическом плане для специального изучения избраны исследования, посвященные внутренней политике Российской империи, механизмам власти, реформаторскому процессу в условиях авторитарного режима и модернизационных трансформаций, идеологическим аспектам политического курса самодержавия. Ввиду обилия материала автор сознательно отказался от обсуждения революционных эпох, сосредоточившись на

полосах относительной стабильности. Хронологические рамки заданы «долгим» XIX в. Учитывая огромную роль, которую играло в России государство, руководствовавшееся при выработке политического курса и необходимостью поддержания общественного порядка, и интересами фиска, и императивами обороны, речь идет о ключевой для понимания века империи проблематике. Вслед за американскими россиеведами Большакова отводит центральное место Великим реформам и контрреформам. Меньше материала по первой половине XIX столетия, на которую пришлось преобразование Александра I и николаевские «предреформы». Не избежал автор экскурсов в глубь XVIII в. В отдельной главе анализируются оценки политической деятельности П.А. Столыпина; курс С.Ю. Витте характеризуется более фрагментарно. Реформы рассматриваются как процесс, растянувшийся на многие десятилетия и отмеченный, несмотря на свою прерывистость, континуитетом.

Однако прежде всего речь идет создателях образа дореволюционной России – обществе американских историков-россиеведов. Определенно тяготея к человеческому измерению исторической науки, Большакова предлагает читателю «крупный план» ряда ее столпов (М. Карпович, М. Раев, Р. Пайпс и др.), коллективный портрет представителей профессии, характеристику сложившихся научных школ. Коммуникация учителя и ученика, имеющая решающее значение в развитии науки, побудила автора сделать одним из организующих начал книги 3 генерации исследователей. При этом она сознает, что источник динамики заключен не только в смене, но и в сосуществовании научных генераций, а также в наличии «неформатных» фигур.

Подлинными основателями россиеведческих исследований на Западе явились историки-эмигранты из России, прежде всего носители либеральной историографической традиции, которой после революции не осталось места на родине. В изучении проблематики XIX–начала XX в. и подготовке кадров исследователей наиболее яркий след оставили представители первой волны эмиграции, бывшие очевидцами и участниками политической жизни поздней империи. Заметный вклад в американское россиеведение сделали также приверженцы народничества и особенно марксизма, симпатии к которому возросли

* *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX – начала XX века. Американская историография. М.: Наука, 2008. 263 с.

на волне левых настроений 1960-х гг. Даже в пору маккартизма среди россиеведов работало немало сочувствующих Советскому Союзу. В книге отдается должное такому фактору, как общие ритмы политической и интеллектуальной жизни Запада. В развитии американского россиеведения Большакова справедливо отводит значительную роль выходцам из других европейских стран – Польши, Германии.

«Утечкой умов» влияние российской историографии за океаном не ограничивалось. Любые брешы в «железном занавесе», в том числе создаваемые культурными обменами, использовались историками для общения во время «оттепели», разрядки и перестройки. Американцам был необходим доступ к литературе и источникам, особенно архивным. Их путь не только в архивы, но и в профессию лежал через доверительное взаимодействие с советскими коллегами, которое все более становилось нормой. Действовавшие в СССР запреты приводили к смене американскими историками советской проблематики на дореволюционную.

Важнейшей вехой в развитии американского россиеведения явились стажировки его молодых представителей у профессора МГУ им. М.В. Ломоносова П.А. Зайончковского. Школа Зайончковского – самый масштабный опыт взаимодействия историографии в условиях несколько смягченной разрядкой холодной войны. Большакова подчеркивает, что приверженность главы школы позитивистскому нарративу, сочетание в его творческой лаборатории институционального и социального с элементами клиометрии подходов (исследование государственных учреждений и административного аппарата) оказались созвучными тенденциям, которые в ту пору формировали общий ландшафт американского россиеведения. Школа Зайончковского, как наглядно продемонстрировала конференция по случаю 100-летнего юбилея историка в 2004 г., по сей день сохраняет свои позиции не только в российской, но и в американской науке. Уникально чувство научно-корпоративной идентичности нескольких поколений исследователей, представляющих разные национальные историографии, дистанция между которыми в прошлом была исключительно велика.

После Второй мировой войны локомотивом интереса к России стала советология. Именно на ее почве складывались влиятельнейшие концепции, не утратившие своего значения до сих пор. Показателен бурный рост россиеведческих центров под воздействием «эффекта спутника», когда американское россиеведение, получив мощную государственную поддержку, смогло к концу 1960-х гг. существенно увеличить кадровую базу и на-

учную производительность, утвердив свои лидерские позиции на всем Западе. История дореволюционной России долгое время находилась в тени советологии, чья трактовка русской революции зачастую создавала коварную ловушку телеологического детерминизма. И все же для американской историографии грань 1917 г. не имела того демаркационного значения, какое отводилось ей советским канонам. Американские историки гораздо чаще их советских коллег переходили ее в рамках отдельно взятых исследований.

Концептуальную систему координат западного россиеведения образуют, во-первых, цивилизационная локализация России между Востоком и Западом и, во-вторых, трактовка соотношения до- и послереволюционного периодов ее истории. Именно комбинация этих фундаментальных параметров определяет оценки природы власти и характера перемен в российском социуме, уровня и типа развития – линейно-поступательного, циклического либо зигзагообразного. Американские исследователи привносят в изучение дореволюционной России компаративистский элемент, проявляют повышенное внимание к западным заимствованиям.

Большаковой удалось убедительно реконструировать концептуальный облик весьма плюралистичного американского россиеведения в той его части, что обращена к изучению дореволюционной России. Смена парадигм и методологического дизайна в рассматриваемой области динамична и отнюдь не бесконфликтна. Традиционную политическую и институциональную историю потеснила история социальная, а ту в свою очередь – культурная со свойственным ей семиотическим прочтением политики. Внимание к судьбе концепций тоталитаризма и ориентализма, модернизации и конвергенции позволило автору представить изучаемую проблематику не только в контексте общего развития исторической науки, но всегда, кстати, совпадающего с ритмами россиеведения, но и в широком полидисциплинарном поле гуманитарных наук. В этой связи, в частности, освещаются крупные журнальные дискуссии теоретико-методологического характера.

В конкретно-историческом плане одним из крупнейших достижений американских коллег стала разработка проблематики просвещенного чиновничества, действовавшего у подножия трона не всегда просвещенных монархов. Американские россиеведы немало потрудились над выяснением хронологических рамок этого феномена и типа присущей ему политической культуры, анализом консервативного реформизма и ментальных особенностей борьбы

модернизаторов с традиционалистами, отверженцами полицейского государства. Указанное противостояние поднимало значение института самодержавия в ту пору, когда монарх все более становился заложником административного аппарата и утрачивал реальный контроль за ситуацией в стране. Позднее корпус исследований пополнили труды по изучению «образов власти».

В русле социокультурного подхода американцами изучаются не только субъекты реформирования, акторы «высокой политики» (в первую очередь самодержавие, либеральная бюрократия), но и долгосрочное воздействие преобразований на социальную среду, прежде всего крестьянство. С позиций *history from below* («истории снизу») в США на солидной источниковой базе исследовано пограничье миров чиновника и крестьянина, показана вовлеченность крестьянства в модернизационные процессы, запущенные реформами, что позволило усомниться в тезисе о неорганичности последних.

Особого внимания заслуживают идеи, возникшие в американской историографии на почве ревизионизма, понимаемого как стремление к переосмыслению, казалось бы, очевидных причинно-следственных связей и устоявшихся оценок, в том числе пришедших из сочинений дореволюционных российских публицистов и историков. Перечислим лишь некоторые тезисы американских ревизионистов. Крепостной труд в канун крестьянской реформы отнюдь не исчерпал своей эффективности. Бюрократия — вовсе не зло, а важнейший агент модернизации. В России наблюдалось не засилье чиновников, а острая их нехватка (*undergovernment*). Миссия самодержавия не сводима к выполнению репрессивно-охранительных функций. Взаимодействие государственных органов и земств должно изучаться не столько в плоскости их конфронтации, сколько под углом зрения огосударствления последних. Государство активно участвовало в строительстве гражданского общества, ядро которого вовсе не обязательно составляет средний класс. Неправомерно фронтальное противопоставление реформ и контрреформ, которые следует деидеологизировать и рассматривать с позиций управленческого прагматизма. Крестьянская реформа не носила грабительского характера, аграрного кризиса непосредственно после нее не последовало. В пореформенный период в крестьянской среде происходил рост правосознания, что дает основание для культурной реабилитации крестьянства и общины. Часть этих идей имела свои более или менее отдаленные аналоги в советской историографии, другие по сей день знакомы далеко не всем российским

историкам. Между тем речь идет не об эпатажных декларациях, а о позициях, зачастую основанных на серьезной доказательной базе. По поводу каждой из них Большакова аргументирует свой собственный взгляд, ее оценки бывают достаточно жесткими, но всегда нацелены на выявление рационального зерна.

Современный период, открытый глобальным изменениям миропорядка, отмечен выраженными чертами переходности. Американскому россиеведению приходилось приспосабливаться к принципиально новым условиям существования, для которых характерно отсутствие прежней конфронтации, этой главной пружины интереса к России со стороны истеблишмента США. Адаптации к новой реальности сопутствовал кризис идентичности профессионального сообщества специалистов по России. В ряде резонансных международных конференций рубежа 1980–1990-х гг., на которых впервые были полновесно представлены российские историки, автор усматривает важные вехи развития науки. Систематизация всего многообразия современных подходов и направлений весьма затруднительна, о чем свидетельствует использование Большаковой метафорической формулы «творческий беспорядок». Приоритетные для сегодняшнего американского россиеведения сферы (изучение национализма, империи и др.) динамично развиваются и на российской почве, как правило, в рамках российско-американского диалога и тесной научной кооперации. Появилась необходимость включения в общую схему российской истории новой, постсоветской России. Эту задачу решает, в частности, концепт развивающейся страны, применяемый как к прошлому, так и к настоящему.

Разумеется, при столь крупном объекте исследования не все его грани смогли получить одинаковое освещение в ограниченном объеме монографии. Ее можно дополнять сведениями о научной инфраструктуре — исследовательских центрах, ассоциациях, периодике. В углубленном изучении нуждаются вопросы взаимного влияния историографии. Имеются резервы в плане наращивания источниковой базы. Так, целесообразно шире привлекать рецензии и неопубликованные диссертации. О расстановке сил внутри профессионального сообщества позволит судить архивный материал, в частности переписка ученых. Неисчерпаемы возможности устной истории. Способно принести плоды и более активное использование Интернет-ресурсов. Однако все это не более чем пожелания на будущее, реализация которых едва ли возможна без коллективных усилий.

Сегодня же российский читатель получил богатую и достоверную информацию, почерпнутую не только из скрупулезно изученных книг и статей, но также из анкетирования, мемуаров историков и живого общения автора с ними. Предлагаемая Большаковой реконструкция убедительна и тщательно выверена, ее можно воспринимать как надежную лоцию в море исследовательской литературы. Проведенная работа не оставляет сомнений в том, что изучение управления и реформи-

вания России невозможно без учета огромного массива печатной продукции американских ученых. Книга должна стать обязательным чтением для широкого круга специалистов и студентов, специализирующихся на изучении отечественной истории.

Л.Е. Горизонтов,
доктор исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)

Т.Н. Чернова-Дёке. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). М.: «Международный союз немецкой культуры», 2008. 208 с., ил.

Книга Т.Н. Черновой-Дёке является итогом многолетнего исследовательского труда, часть которого была опубликована на страницах журнала «Отечественная история»¹. Монография посвящена такой малоисследованной проблеме, как этноконфессиональный аспект отношений центра и окраин Российской империи. Немецкие колонисты, приглашенные царским правительством в XVIII–XIX вв. на постоянное поселение в России, сыграли заметную роль в освоении имперской периферии, прежде всего в Поволжье и Причерноморье². В меньшей степени изучена немецкая колонизация на Кавказе, и рецензируемая работа удачно восполняет этот пробел.

Автор поставила перед собой задачу проследить историю немецких колоний в регионе в контексте освоения кавказского «фронта» империи. Однако немецкие колонии исследуются в книге не только как средство укрепления границ, но и с точки зрения их собственного развития на протяжении столетия от начала поселения в 1817–1818 гг. до революции 1917 г. Конечная же точка истории немецких колоний на Кавказе связана с депортацией в 1941 г. 50 тыс. человек в Казахстан. На постсоветском пространстве история этой этноконфессиональной группы, помимо России и Германии, активно изучается в Азербайджане, слабее – в Грузии. Безусловным достоинством работы Черновой-Дёке является тот факт, что она не ограничилась российскими архивами, а привлекла архивы Грузии, что в сочетании с законодательными материалами обеспечило исследованию солидную источниковую базу.

Монография состоит из 7 глав, в которых последовательно рассмотрены возникновение и становление немецких поселений на Кавказе,

их экономическое развитие, демографические процессы, религиозная жизнь колонистов, система административного управления, положение кавказских немцев в годы Первой мировой войны. Книга снабжена документальными приложениями (копии архивных документов) об истории становления немецких поселений на Кавказе, извлеченными из российских и зарубежных архивов. Особо стоит отметить фотоиллюстрации, сделанные автором в местах бывших немецких поселений, от которых до сих пор остались зримые следы – кирхи, жилые дома, школы и т.п. Эти визуальные источники удачно дополняют документальную базу исследования.

Вторая после царствования Екатерины II волна переселения немцев в Россию была связана с манифестом 1804 г. о приглашении выходцев из Германии поселиться в Новороссии и Крыму (о Кавказе пока речи не было). Непосредственным же толчком к переселению стало разорение германских земель в ходе наполеоновских войн, а также кризис евангелическо-лютеранской Церкви. Часть отколовшихся от нее сектантов-хилиастов устремилась через Кавказ в Палестину, другая часть – в Америку. Всего в 1816–1817 гг. в Россию въехало около 10 тыс. выходцев из Германии. Большинство их осело в Бессарабии, но 2 тыс. «упрямых швабов» устремились на Кавказ, в 1818 г. достигнув Тифлиса. В районе этого города выходцы из Вюртемберга основали на отведенных им казенных землях 6 колоний. «Проконсул Кавказа» А.П. Ермолов был в принципе против массовой иммиграции в регион, но вынужден подчиниться воле императора Александра I. Благоклонность последнего, очевидно, была связана и с династическими узами: сестра рос-